

Одним из недостатков подготовки окончательной биографии Beatles является огромная нехватка надежных источников. Большинство из почти 500 томов истории группы не имеют надлежащих ссылок, и даже там, где источники указаны, их достоверность вызывает сомнения. Либо воспоминания слишком смутные, либо истории многократно пересказаны и далеки от истины, либо факты остались непроверенными, либо обстоятельства были сфабрикованы или же скрыты — иногда предвзятыми очевидцами, иногда чтобы защитить невиновных. Так или иначе ложная информация всегда была ключевым элементом легенды о Beatles.

Масштабы дезинформации во многом подтверждают утверждение Наполеона о том, что история — это набор согласованной лжи. Это стало ясно, когда я начал работу над этой книгой. Во время интервью с Полом Маккартни он рассказал, как почти сорок лет назад Beatles договорились об «определенной версии событий», которые должны были стать их историей, и с тех пор они придерживались ее. Пол сказал мне, что около 65 процентов фактов официальной биографии Beatles, написанной в 1967 году журналистом Хантером Дэвисом, правдивы. (Говоря об этой книге в пространным интервью Янну Веннеру в 1970 году, Джон Леннон сказал: «Это было дерьмо... Моя тетя [Мими] вычеркнула все правдивые части о моем детстве и моей матери... Я хотел, чтобы вышла настоящая книга, но у нас у всех были жены, и мы не хотели ранить их чувства».) Более того, все это было рассказано и пересказано столько раз, что даже Маккартни уже не уверен, где начинается и заканчивается правда — несомненно, это одна из причин, по которой замечательную «Антологию» часто называют «Мифологией». В любом случае, «официальная биография Beatles» изобилует не только искажениями и милыми сказками, но и неточностями: неправильно указаны имена, неверны даты, перепутаны места, а также имеются огромные зияющие пробелы...

Несмотря на это, я опирался на книгу Дэвиса, чтобы поддержать некоторые собственные исследования. Устные рассказы, представленные в ней четырьмя Beatles, — их непринужденные замечания, а также их причудливые версии давно забытых событий, — тем не менее пикантны и являются единственными яркими (и увлекательными) свидетельствами некоторых приключений. Так как я включил в эту биографию цитаты из этой книги, будьте уверены, что они были тщательно проверены на точность или выбраны потому, что в них содержатся личные размышления, не вызывающие сомнений в их честности. Наконец, следует отметить, что для многих людей, упомянутых в этой книге, — родителей Джорджа Харрисона, тети Джона Мими и его отца Фредди, матери Ринго, Милли Бест и других второстепенных персонажей, — книга Дэвиса является единственным свидетельством этой замечательной истории.

Среди других книг, упомянутых в примечаниях, есть те, которые либо излишне героизируют группу, либо откровенно глупые, но, тем не менее, содержащие важное интервью или анекдот, который нельзя было проигнорировать. Например, книга Гарета Павловски «How They Became the Beatles» — это восторженный экскурс одного фаната в место рождения своих кумиров,

но в ней упомянуто соглашение, в котором подробно описаны конкретные условия участия Ларри Парнса, а также показаны откровенные фотографии. В автобиографии Синтии Леннон «A Twist of Lennon» перепутаны факты и даты (она даже ошиблась в годе своего брака с Джоном!), но при этом она приводит личные трогательные размышления, которые представляют историческую ценность. Другие книги раздражают своей вопиющей небрежностью. Книга Кита Бэдмана «Beatles: Off the Record» содержит один из самых полных сборников интервью группы, но при этом в ней нет ни одной ссылки. То же самое можно сказать и о книге «The Beatles: An Oral History» Дэвида Притчарда и Алана Лайсагга, в которой собрано множество откровенных интервью. Откуда они взялись? В каждом случае, когда использовалась информация из этих книг, я опирался на семь лет собственных тщательных исследований, а также на интуицию и слух биографа при определении подлинности источника.

Мне посчастливилось работать с удивительным архивом журнальных и газетных статей, собранных и сопоставленных Алланом Козинном, известным музыкальным обозревателем New York Times и знатоком творчества Beatles. Эти документы включают в себя большинство файлов Times, даже статьи из морга, которые были удалены по соображениям экономии места, а также из других важных журналов со всего мира. Среди них — большинство статей из Melody Maker и New Musical Express, которые еженедельно подробно рассказывали о приключениях Beatles.

В ходе моего исследования, однако, выяснилось, что многие цитаты Beatles в этих статьях, позже включенные в «Антологию», были взяты из телефонных интервью, в которых Нил Аспиналл или Мэл Эванс маскировались под Джона или Пола, и, таким образом, их следует воспринимать с долей скепсиса. По возможности, цитаты в этой книге взяты из статей, содержащих свидетельства очевидцев, или из тех, в которых было ясно, что кто-либо из Beatles действительно присутствовал на интервью с журналистом. Что касается точной хронологии, то газеты служили основным источником информации о перемещениях Beatles; в остальном я полагался на различные списки Марка Льюисона, включая «The Beatles Live!», «The Beatles: 25 Years in the Life», «Recording Sessions» и «The Complete Beatles Chronicle».

Об одном из ресурсов стоит рассказать отдельно. В последующих заметках я часто ссылаюсь на архив Альберта Голдмана (AGA), который представляет собой обширную серию записанных на пленку интервью для спорной — и дискредитированной — биографии авторства Голдмана «Жизни Джона Леннона». При всех его недостатках как писателя (а их было много, и они были серьезными), Альберт был моим дорогим и надежным другом, с которым я оставался близок до его безвременной кончины. Несмотря на это, я счел написанную им биографию Джона нечитательной, а также безответственной, и сказал ему об этом. Однако, решив написать эту книгу, я разыскал его душеприказчиков и приобрел копии записанных на пленку интервью, которые он брал для «Жизней». Это приобретение оказалось шокирующим, откровенным и невероятно полезным. Насколько можно судить, Альберт так и не удосужился расшифровать записи, взяв для своей рукописи только то, что он беспечно называл «хорошими частями» — те цитаты, которые могли бы стать сенсацией. Однако большая часть информации, которую он предпочел проигнорировать, оказалась необычайно подробной и совсем не похожей на то, что было в его книге или что мы слышали раньше. Интервью с кузенами Джона Стэнли Паркесом и Лейлой Харви предоставили очень личную информацию о Стэнли, Смилах и мальчишке, которого они описывали как милого и общительного. Громкий рассказ Барбары Бейкер об их сексуальных похождениях превзошел пронзительные воспоминания о ранних сессиях Джона и Пола по написанию песен, которые остались за рамками книги Голдмана. Книга «Жизни Джона Леннона» говорит сама за себя; я надеюсь, что материалы, которые я взял из исследований Альберта, дополнят мой рассказ и станут данью уважения его усилиям как исследователя — и удивительной истории Beatles.

Самым важным источником для этой книги стали сотни интервью, которые я провел с членами семьи, друзьями, коллегами и приглашенными музыкантами, предоставившими новую информацию из первых рук и дополнившими существенными деталями все старые истории, ставшие частью мифа о Beatles. Конечно, некоторые рассказывали свои истории так часто — в том числе на съездах фанатов Beatles, где им платили гонорары за выступление, — что их повествования стали заученными и в целом ненадежными. Но многие из этих людей никогда раньше не давали интервью, и предоставленная ими информация помогла сформировать портрет Beatles, который одновременно и увлекает, и существенно отличается от всех предыдущих рассказов.

ПРОЛОГ

27

декабря 1960

Они стекались в Литерленд, как всегда, за полчаса до открытия дверей. Ночные «ползуны»: молодые гибкие тела, скользившие по тротуарам ноги, казавшиеся огромными в синих бликах уличных фонарей. В это время года на Сефтон-роуд в 18:30 было уже темно; вечер рано спустился с пустынного неба, подгоняемый серыми облаками, дрейфующими на восток через реку в сторону задыхающегося Ливерпуля.

По вторникам в ратуше Литерленда обычно проводились так называемые «тихие вечера» — мероприятия, собиравшие 600 или 700 человек, в отличие от полуторатысячной толпы в выходные. Каждые несколько минут перед входом в зал останавливался двухэтажный автобус и выгружал на тротуар толпу подростков. Толпа, беспорядочно двигавшаяся в хрупком ночном воздухе, раздвигалась, как аэростат перед запуском.

Знаменитости, как водится, еще не прибыли. Группа, по обыкновению отстающая от графика, покинула район Вест Дерби позже, чем предполагалось, после того как единогласно выбрала плейлист для своего выступления. Процесс выбора был нелегким: в их репертуаре насчитывалось более 150 рок-н-рольных песен, от эпохальных хитов («Whole Lotta Shakin' Goin' On», «What'd I Say») до поп-стандартов («Better Luck Next Time», «Red Sails in the Sunset») и малоизвестных творений («You Don't Understand Me»); каждая песня требовала краткого рассмотрения. После этого оборудование погрузили в старый бутыльно-зеленый фургон, принятый на службу только этим утром.

Четверо мальчишек, ехавших в темном грязном грузовом отсеке, словно астронавты в тесной космической капсуле, крепко держались, пока старая развалюха громыхла на север по Стэнли-роуд, мимо сверкавших вывесками магазинов. Дорога шла вдоль береговой линии, где виднелись огни гавани и причалы далекого порта, а затем уходила вглубь страны вдоль Лидс-Ливерпульского канала. Даже коренным жителям, каковыми являлись ребята, было трудно определить, где заканчивается один район и начинается другой: Кросби превращался в Киркдейл, затем в Бутл, а потом в Литерленд. Их границы обозначались только широкими перекрестками и случайными вывесками магазинов, в название которых входило наименование района.

Некоторое время они молча смотрели в заднее окно, словно впитывая мистическую темноту. Пол Маккартни и Джордж Харрисон — невероятные красавцы — сидели на двух коробчатых усилителях, а Пит Бест, подвижный и неуловимый, стоял, как ковбой, на ящике с бас-барабаном. Джон Леннон, который уже дважды бывал в Литерленде, ехал на переднем сиденье, чтобы показывать дорогу водителю.

Чез Ньюби знал, что он — чужак. Присев на эмалированную колесную арку, он смотрел на своих товарищей с почтительной отстраненностью. До прошлой недели он в последний раз слышал их игру почти полгода назад. Тогда они были похожи на большинство других начинающих ливерпульских групп: талантливые, но ничем не выдающиеся, игравшие те же кавер-версии современных хитов, что и все остальные. «Я, конечно, не думал, что они произведут боль-

шое впечатление», — говорит он, вспоминая их грязный звук, неуклюжую механическую атаку и нечаянную анархию. На самом деле, его бывшая группа Blackjacks, в которой раньше играл Пит Бест, примерно так же развлекала подростков, ходивших за местными группами из клуба в клуб. В любой вечер пять групп на выступлении исполняли один и тот же набор песен — одинаково. Однородность была критерием, на котором держалась вся сцена.

И вдруг все изменилось. Когда неделю назад Чез приехал в дом Пита в Вест Дерби, он оказался совершенно не готов к тому, что творилось внутри. Жаркая гостиная была освещена ярче, чем обычно. Над журнальным столиком висел зонтик фиолетового дыма, бутылки из-под кока-колы были разбросаны, как шахматные фигуры. Когда Ньюби двинулся к дивану, его глазам предстало нечто похожее на один из готических монохромов Жоржа Руо: четыре вороноподобные фигуры, одетые в зловещие плащи из помятой кожи, и все черное — брюки, футболки, куртки, ботинки — буйство черного цвета. Потребовалось несколько секунд, чтобы, разглядев лица квартета в плащах, понять, что это Пит Бест и музыканты, которых он раньше знал как группу Quarry Men.

Группа не выступала несколько недель из-за недомогания, которое едва не привело к их исчезновению. И вот неделю назад им предложили четыре приличных концерта, на которые они с радостью согласились, несмотря на одно серьезное препятствие — их басист Стюарт Сатклифф проводил каникулы в Германии со своей девушкой.

«Нам нужен басист», — пожаловался Ньюби один из музыкантов.

Бест многозначительно кивнул. «Купи себе бас и репетируй с нами», — сказал он. Ньюби позабавило и тронуло их приглашение. Его умения ограничивались ритм-гитарой, но он был знаком с гулками басовыми партиями, и Джордж Харрисон, настоящий техник группы, вызвался упростить ему задачу.

Ньюби одолжил бас у своего друга Томми Макгурка и согласился на импровизированную репетицию. Они устроились в просторном подвале Бестов — в комнате, которая подрабатывала джайв-клубом Casbah, куда приходили подростки потусоваться и потанцевать — и записали несколько песен. «Музыку, которую они играли, было довольно легко подхватить», — говорит Ньюби. Но звук, который они издавали, его не устраивал. Это по-прежнему были каверы современных хитов, но, в отличие от их трепетных исполнений всеми остальными ливерпульскими группами, ребята прорывались в совершенно новое измерение. Их песни не были скрупулезным подражанием, в них не было ничего аккуратного и ничто не контролировалось. Они были яростными, ревушими, в них был настоящий мускул, подчеркнутый энергичными барабанными партиями Беста — мощными залпами, словно швырявшими каждую песню со скалы, — и вокальной акробатикой Маккартни. Ньюби был поражен тем, как Пол из эстрадного исполнителя превратился в вокалиста, чей диапазон, казалось, зашкаливал. «Пол разработал такую манеру фальцетного пения, что я был просто потрясен», — говорит он. — Никто в Ливерпуле не пел так, как Литтл Ричард¹, — *никто*».

Леннон, как никто другой, знал, что они добились больших успехов. (Спустя годы он признает это, говоря: «Мы считали себя лучшими до того, как нас кто-либо услышал, еще в Гамбурге и Ливерпуле».) Но только в августе того года группа покинула Ливерпуль практически в растерянности. Их игра была бессистемной, направление — неизведанным. По городу ходили слухи, что их группа — худшая в районе и даже не группа вовсе, если учесть, что они не могли нанять барабанщика. Хоуи Кейси, который был фронтменом Seniors, а также играл с Wings, говорит:

¹ Ричард Уэйн Пенниман (1932–2020) (прозвище Little Richard) — американский певец и музыкант, стоявший у истоков рок-н-ролла. Имел очень широкий вокальный диапазон — более четырех октав. *Прим. ред.*

«Мы их точно не знали, и я не думаю, что кто-то другой... их знал». Только один известный музыкант смог вспомнить кошмарный тройной концерт, который группа отыграла в мае того года в Lathom Hall, в ливерпульском пригороде Сифорт. «Они были настолько плохи, — сказал он, — что [промоутер] просто закрыл на них занавес!»

Итак, они отправились в Гамбург. Далее перед ними маячила перспектива стать подмастерьями в ливерпульских доках, клерками на хлопковой бирже или на Британской железной дороге или клепальщиками на одном из пригородных автомобильных заводов. После Германии легкой жизни не ожидалось. Джона Леннона выгнали из художественного колледжа за крайнее безразличие — позор, который он, казалось, заслужил, словно подтвердился страшный диагноз. Пол Маккартни растратил свой учебный потенциал, показав настолько плохие результаты на экзаменах, что учителя потеряли всякую надежду на то, что он поступит в университет. Джордж Харрисон, считавший школу ужасным неудобством, решил сдать экзамены и провалил все. Увлеченный выступлениями Пит Бест отказался от планов поступить в педагогический колледж. Лишь Стюарт Сатклифф, который был настоящим страстным художником, имел хоть какую-то надежду на успех, и его товарищи по группе знали, что в конце концов он оставит музыку и займется живописью.

Но гамбургские выступления стали сюрпризом. Там произошло нечто странно значимое, нечто неосознанное, приоткрывшее окошко надежды и придавшее мечтам ребят непредсказуемый новый импульс. Их шоу приобрели азарт, граничащий с анархией. Разочарованные слабым гулом, в который погрузились английские рок-н-рольные группы, они воспользовались своей дурной славой «банды отморозков» и прибавили громкости. Они начали перестраивать свое шоу, чтобы привлечь аудиторию с помощью выходов в духе Джина Винсента и Джерри Ли Льюиса¹. В процессе работы парни стали не только мастерски выступать на сцене, но и приобрели огромную популярность среди посетителей немецких ночных клубов.

А потом, так же безжалостно, все рухнуло.

Выступления в Гамбурге закончились бурно, парней депортировали в неподобающем виде, и они снова отправились на север. Две недели они грустно и бесцельно слонялись по Ливерпулю, избегая друг друга, как животные в зоопарке, вынужденные сидеть в одной клетке. Очевидность того, что их мечта разбита, нависала над ними; а оттого, что им не хватало общества друг друга, переносить это было еще тяжелее.

Именно в разгар этой глубокой депрессии Джон и Пит вместе появились в крошечном кафе Jasaranda. Они зашли выпить кофе и случайно столкнулись с Бобом Вулером, захмелевшим приятным парнем двадцати восьми лет, в котором не осталось ничего молодежного, кроме страсти к популярной музыке. Никто не взращивал ливерпульское рок-н-рольное сообщество так умело, как Вулер, неудачливый автор песен, пока несколько лет спустя оно не оказалось в тисках Брайана Эпстайна. Он обладал ослепительным красноречием актера, а в его голосе звучала легкость и цветочность, что придавало уверенности его молодым протеже. Весь день Леннон и Бест сидели, надувшись, за одним из крошечных столиков, окруженные толпами бородатых студентов университета, и ныли Вулеру о своем профессиональном положении. Они очень хотели снова работать. Все что угодно: шоу, танцы, выступление в клубе, даже вечеринка. Он должен был помочь им, просто обязан, настаивали они.

Единственным значимым событием были предстоящие рождественские танцы в Litherland Town Hall. Вулер позвонил промоутеру Брайану Келли с кухни Jasaranda, а Леннон и Бест стояли неподалеку, ловя каждое его слово. На другом конце провода Келли нетерпеливо вздохнул. Язвительный предприниматель, входивший в небольшую группу миссионеров, распространя-

¹ Американские исполнители 50-х гг. XX века, одни из основоположников рок-н-ролла. Оба отличались вызывающим поведением на сцене. *Прим. ред.*

ющих евангелие рок-н-ролла, он уже слышал все это раньше и привык к штормовой силе риторики Вулера, когда дело касалось продвижения музыкантов. По мнению Келли, Вулер пытался залезть к нему в карман. Кроме того, три группы для выступления уже были приглашены. Но Вулер был убедителен.

«Они фантастические, — заверил он Келли, который недоверчиво хмыкнул в ответ. — Не могли бы вы включить их в качестве дополнительного выступления? Как я уже сказал, они побывали в Гамбурге».

Чтобы подчеркнуть это отличие, Вулер попросил у него гонорар в размере 8 фунтов стерлингов за выступление группы — необычная сумма для местной группы. Келли потребовалось не более секунды, чтобы ответить: «Глупость!» Набравшись решимости, Вулер привел еще один аргумент. «Да, но теперь они профессионалы», — сказал он. Это заставило Келли зашипеть от отвращения. «Профессионалы! Мне плевать на то, что они профессионалы», — сказал он.

Вулер бросил тревожный взгляд через плечо на бдительных ребят — их лица то появлялись, то исчезали в поздней полуденной тени. Гамбург их состарил, подумал он. Бест, более высокий, был щетинистым, с призрачной прозрачностью в глазах и мягкими чертами лица, способными заставить сердце девушки биться чаще; Леннон, хотя и был на несколько дюймов ниже, казался более властным благодаря жесткому взгляду и выражению удовлетворения на тонких губах. И обоим было очевидно, что разговор идет не по плану. На мгновение отвлекшись, Вулер бросил им быструю профессиональную улыбку, а затем вернулся к своим переговорам.

Они с Брайаном Келли проговорили еще пять минут, прикидывая варианты и подкалывая друг друга, пока не заключили приемлемую сделку. После этого Вулери предстояла еще одна нелегкая битва — убедить Беста и Леннона принять предложение Келли в 6 фунтов. Это было значительно меньше, чем они зарабатывали за границей, и не давало им особого стимула. Но все же это был концерт, это была еще одна возможность сыграть рок-н-ролл. На данный момент они снова были в деле.

Миновав старый контейнерный док в Бутле, Стэнли-роуд распалась на несколько двухполосных дорог, которые соединялись в Линакр-роуд. Дорога пошла под уклон, и, обогнув поворот, они увидели сам город, уныло раскинувшийся под неласковым зимним светом. В Литерленде было множество магазинов, а также методистская миссия¹, массивное кирпичное здание которой использовалось во время войны в качестве морга. На юге маячила освещенная вывеска колбасного завода «Ричмонд» с неоновой свиньей, шествующей со связками сосисок; на противоположном конце светился шатер кинотеатра «Ригал»; остальная часть города находилась наискосок за главной дорогой. Горизонта не было видно, только квартал за кварталом небольших террасных домиков, соединенных и нанизанных друг на друга, как потертые пластиковые бусины. Было время, когда Литерленд с его богатыми зелеными фермами гордо возвышался в устье Мерси, но Люфтваффе разрушило его мечты. Облицованный кирпичом спичечный завод, пострадавший от немецких зажигательных снарядов, так и остался разбомбленной почерневшей скорлупой; сплюснутые провалы в рядах домов и обвалившиеся крыши церквей также говорили о бурном прошлом этого района.

Фрэнк Гарнер, водитель группы (ни у кого из семей участников не было машины), подогнал фургон как можно ближе ко входу, чтобы ребята могли выгрузить свое снаряжение. В сгущающейся темноте они разглядели примерно дюжину подростков, задержавшихся у дверей. Из-за отсутствия плотной очереди группа забеспокоилась, но потом парни поняли, что все уже зашли внутрь, чтобы избежать вони, исходящей от кожевенного завода на Филд-Лейн, расположенного сразу за залом.

¹ Методизм — направление протестантизма, распространенное в основном в Великобритании и США.
Прим. ред.

Они выбрались наружу, таща за собой оборудование, и поспешили внутрь по старому деревянному коридору к открытой гардеробной, пропахшей лаком для волос и дезинфицирующим средством. Зал городского совета и вспомогательные офисы, где жители оплачивали свои счета, были закрыты с 17:30, поэтому группа двинулась по коридору с пустыми комнатами к закусочной зоне, где Боб Вулер сутился над плей-листом вечера.

Вулер был приятно удивлен, увидев их. В процессе бронирования выступления Джон Леннон ворчал, что гонорар не стоит всех усилий, и Вулер умолял: «Ради Бога, не подводите меня». Леннон заверил его, что они придут, но Вулер был настроен скептически.

И все же он решил поставить их в девять часов — так называемое «центральное место» между Deltones и Searchers. «Это означало, что все будут в зале, — вспоминает Вулер, — никто не придет поздно или не уйдет рано. На полчаса внимание Ливерпуля будет полностью приковано к ним». Почему Вулер так поступил, остается загадкой даже для него самого. Хотя он уже слышал эту группу в одно из предыдущих выступлений, но это была всего лишь одна песня, после чего он скрылся в пабе, не составив о группе никакого мнения. Его также не вдохновило их отношение. Но Боба, как жертву творческого разочарования, неумолимо влекло к печальному положению группы, особенно к уязвимости Джона. Вулер чувствовал в Ленноне человека удивительно сложного и амбициозного; казалось, от парня исходит тепло, сигнализирующее о каком-то сыром, беспокойном таланте. В нем было что-то, что стоило бы исследовать, заключил он. «Поэтому я просто доверился интуиции в том, что их выступление будет необычным и важным».

Зал был полон туманных силуэтов — не толпа пьяных моряков, как в Гамбурге, а местные подростки, со многими из которых участники группы учились в школе. Вулер был занят приговорами, но между второй и третьей записью в антракте (существовало правило: проигрывать три песни между выступлениями, не больше, чтобы избежать возможных драк) он подошел к ним на пару слов. «Я объявлю вас, — поспешил он сказать им, — и сразу после открытия занавеса приступайте к номеру». Он отметил, что ребята его поняли, но были будто бы слегка недовольны. Пусть будет так, подумал он.

Снаружи слышался шум перегретой толпы, внимание которой ускользало. Толпа подростков жаждала действия. Они рассеянно танцевали в перерывах между выступлениями; записи не заменяли настоящего действия, и теперь, в бессвязном угасании, их жидкий смех и взбалмошность свидетельствовали о нетерпеливом возбуждении. Кроме того, всех заинтересовала группа, которая должна была выступить в одиннадцатом часу и рекламировалась как «прямо из Гамбурга». Немецкое выступление. Было бы интересно посмотреть на их акцент и подачу, как они будут контрастировать с резкими выступлениями лучших групп Ливерпуля.

Зал был переполнен подростками, многие из которых собрались за карточными столами вдоль стен в ожидании следующего выступления. Большинство из них были одеты в то, что солидно называлось «выходным костюмом», по случаю продолжавшихся праздников. Мальчики в хорошо отутюженных темных костюмах, служивших также школьной формой, выглядели чопорно и застенчиво, а девочки, облаченные в узкие юбки до колен и белые блузки, задорно бежали наверх в уборную и обратно, чтобы подправить макияж. Танцующие непринужденно перемещались по большому открытому танцполу, не сводя глаз со сцены, где группа, еще скрываясь за занавесом, занимала свои места. Раздался треск усилителей: Джон и Джордж подключились к своему старому доброму Truvoice, а Пол включил свой верный Ampigo цвета морской волны. Публика зашевелилась и полуобернулась, пока Боб Вулер пропел в открытый микрофон: «А теперь, ребята, группа, которую вы ждали. Прямо из Гамбурга...»

Но не успел он произнести их название, как Пол Маккартни вскочил с места и, когда занавес распахнулся, пронзительно прокричал: «I'm gonna tell Aunt Mary / 'bout Uncle John / he said he had the mis'ry / buthegotalotoffun...»

Ух ты! Бесцельное шарканье прекратилось. Реакция публики была настолько неожиданной, что Вулер в первые несколько секунд не обратил на нее внимания. Отчасти причиной тому был шокирующий взрыв, потрясший зал. Удары бас-барабана сопровождали каждую четвертную ноту с потрясающей силой. Первый удар пришелся на крик Пола «tell» — звук дико отрикошетил от стен. За «Mary» последовал второй, затем еще один, а потом страшный залп, в котором было знакомое бам-бам-бам «Мессершмитта», обрушивающего весь ад на свою цель — штурм, невинный в безумии. Бой шел ритмичными волнами и, начавшись, уже не прекращался. На открытом полу негде было укрыться. Все головы высунулись вперед и с дикими глазами уставились на оглушительную засаду. Музыка, грохотавшая вокруг них, была разновидностью рок-н-ролла, но исполнялась совсем не так, как они когда-либо слышали раньше. «Oh ba-by, yeahhhhhh / now ba-by, woooooo...» Она была судорожной, уродливой, пугающей, но магической в том, какое безумие она вызывала в толпе.

Внешний вид группы тоже вызвал ажиотаж. На мгновение толпа замерла в изумлении, пытаясь воспринять всю эту тревожную сцену. Четверо музыкантов были одеты в черные костюмы, которые они купили в гамбургском магазине Texas Shop: красивые куртки из потрескавшейся кожи с мягкими плечами и подкладкой из искусственной овчины (под прожекторами в них оказалось жарко), черные футболки и шелковистые обтягивающие брюки. С инструментами, низко висящими на корпусе, они выглядели как ожившая фантазия подростка-бунтаря. Никто не мог оторвать глаз от грубых ковбойских сапог на плоском каблуке, которые были на каждом из них, особенно от сапог Джона Леннона. Это были Twin Eagles, украшенные изображениями птиц, вырезанными спереди и сзади и очерченными белой строчкой.

«Я раньше никогда не видел, чтобы какая-либо группа так выглядела, — говорит Дэйв Форешоу, ливерпульский промоутер, который смотрел на это зрелище в полном изумлении. — Я подумал: “Что это такое? Кто они?”»

Словно по заранее условленной команде, вся толпа ринулась на сцену, лихорадочно протискиваясь к софитам. Импульсивная молодежь отбросила приличия ради эмоций. Все перестали танцевать — теперь их тянуло к сцене. Почувствовав, что началась драка, Брайан Келли бросился внутрь вместе с несколькими вышибалами. Промоутер испытал настоящий приступ паники. По словам Боба Вулера, «по прошествии времени [Келли] рассказывал, что они были в нескольких секундах от того, чтобы применить грубую силу, когда он наконец понял, из-за чего возникла суматоха».

Группа тоже поняла это и начала доводить толпу до исступления. Они выжали максимум и устроили дикий джем¹. Опираясь на сценические приемы, придуманные ими еще в Германии, они активно крутились и дергались. Джон и Джордж стали расхаживать по сцене и громко топтать в такт музыке. (Ньюби, вынужденный следить за руками Харрисона в поисках смены аккордов, присоединился к веселью через нерегулярные промежутки времени, хотя, к его огорчению, отсутствие приличных ковбойских сапог сделало его участие в представлении «гораздо менее эффективным».)

«Это было так необычно, — вспоминает Билл Эштон, подмастерье монтажника компании British Rail, выступавший по совместительству как Билли Крамер в группе Coasters и приехавший в Литерленд, чтобы оценить “иностранную” конкуренцию. — Вести себя так на сцене и издавать такой звук — я был совершенно ошеломлен».

Как и все остальные, Крамер привык к группам, которые подражали Клиффу Ричарду и Shadows, лучшим рок-н-ролльщикам Англии и практикам плавных, тщательно выверенных движений. До этого момента все шли по изящным стопам Shadows. Однако эта группа была иной. По словам Дэйва Форешоу, «обычно [популярные ливерпульские группы, такие как]

¹ В музыке — импровизация, чаще всего инструментальная. Прим. ред.

Remo Four или Dominoes, выходили на сцену и... выступали вежливо и размеренно. Выступление этой группы атаковало толпу. Они [играли] агрессивно и с гораздо меньшим уважением. Просто атаковали!» А когда Джон Леннон подошел к микрофону и призвал толпу «спустить трусики!», зрители, находясь в состоянии бессознательной, беспорядочной эйфории, закричали и подняли руки.

Брайан Келли особенно почувствовал сейсмический сдвиг в ландшафте и быстро принял меры по его сдерживанию, выставив вышибал у дверей, чтобы не позволить конкурирующим промоутерам вроде Форешоу перехватить его находку. Но было уже слишком поздно для таких мер. Зал взорвался истерией, когда группа завершила свой получасовой сет зажигательной версией «What'd I Say», в которой Пол Маккартни пронесся сквозь толпу, ввергая подростков в восторженное противостояние. Под последние бурные аплодисменты Боб Вулер успел сказать: «Это было потрясающе, ребята», но вряд ли кто-то обратил на него внимание. Публика была слишком занята, пытаясь осознать то, что только что произошло на этой сцене и превратило их рождественские танцульки в полномасштабное прозрение.

Это было неизбежно: группа каким-то образом задела все нервы местной рок-н-рольной сцены, которая уже никогда не будет прежней. Стеной скрежещущего звука и завесой черной кожи парни заявили о себе в истории и стали Beatles.